

Нет автора

**Письма к М.П. Погодину из славянских
земель**

Выпуск 2. Письма П.И. Шафарика

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Письма к М.П. Погодину из славянских земель: Выпуск 2. Письма П.И. Шафарика / Нет автора – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 312 с.

ISBN 978-5-458-00852-5

С предисловием и примечаниями Нила Попова.

ISBN 978-5-458-00852-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

не включая однакожь туда старо—и ново—болгарскую. Хотя трудъ этотъ онъ и успѣлъ окончить въ рукописи къ 1832 году, но не имѣлъ времени издать при своей жизни. Онъ былъ напечатанъ уже впоследствии, въ Прагѣ въ 1864—65 годахъ въ трехъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Geschichte der südslawischen Literatur, herausgegeben von Irgesek». Сколь важное значеніе могли имѣть подобные труды въ то время, легко понять изъ отзыва о первомъ сочиненіи, который мы находимъ въ названной выше статьѣ И. И. Срезневскаго «цѣмногого могли ожидать отъ Ш—ка люди, не знавшіе его лично, не слыжавшіе объ его домашнихъ трудахъ, о томъ, какъ онъ читалъ, какъ прилежно и отчетливо дѣлалъ выписки изъ книгъ старыхъ и новыхъ, какъ старался помогать своей памяти составленіемъ подручныхъ словарей, ссылокъ, какъ изучалъ дѣтонисы и памятники стараго времени, географію и народныя нарѣчія, какъ незамѣтно и однакожь въ огромномъ размѣрѣ умножалъ свой запасъ. Только долготѣнимъ и постояннымъ трудомъ можно было приобрести ту массу свѣдѣній, которую сталъ онъ потомъ мало-по-малу передавать читателямъ, и чѣмъ менѣе ожидали отъ него чего нибудь необыкновеннаго, тѣмъ болѣе изумилъ онъ, издавши въ 1826 году «Исторію славянскаго языка и литературъ по всемъ нарѣчіямъ». Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не изумляться, какъ могъ молодой и бѣдный Новосадскій профессоръ собрать столько матеріаловъ, не утрашиться самаго труда собирать ихъ, выбрать не много менѣе, нежели сколько ему было нужно, и такъ ловко распорядиться своимъ запасомъ. Книга Ш—ка была первая въ своемъ родѣ, на каждой страницѣ выказывала знаніе дѣла, за которое взялся сочинитель: она не могла не сдѣлаться рукою книгою для всякаго, занимающагося славянскою литературою. Она и вышла притомъ очень кстати: духъ славяноскій былъ уже въ то время пробужденъ, общее вниманіе къ славянству отчасти тоже, и книга, въ которой бы представлена была литературная дѣятельность Славянъ въ ея историческомъ ходѣ, была нужна. Не мудрено, что книгу Ш—ка брали на расхватъ. Ш—ка узнали, начали на него ссылаться, компилировать его и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англии, и въ Америкѣ. Я уже не говорю о томъ вліяніи, какое произвела книга Ш—ка на общее вниманіе къ Славянамъ». Изъ втораго сочиненія напечатаны были въ то время два большія извлеченія въ *Wieler Jahrbücher der Literatur*: «Uebersicht der Slowenischen Kirchenbücher, welche vom Ende des XV bis zum Anfange des XVII Jahrhunderts... erschienen sind» (Band XLVIII, 1829) и «Uebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bei den Südslawen» (Band LXXX, 1831). Въ промежуткѣ между двумя названными сочиненіями Ш—къ изготавилъ историко-критическое розысканіе о происхожденіи Славянъ: «Ueber die Abkunft der Slawen, nach L. Surowiecki» (Ofen, 1828, 212 стр. въ 8). Если исторія славянскаго языка и литературы вызвала всеобщее одобреніе, такъ что знаменитый въ то время Вахлеръ называлъ ее образцовымъ сочиненіемъ по своему предмету, а, отвѣчая Ш—ку на его письмо, говорилъ, что не у него Ш—ку, а ему у Ш—ка слѣдуетъ учиться; то изслѣдованіе о происхожденіи Славянъ окончательно утвердило въ нѣмецкой литературѣ ученую славу за авторомъ: «передавая сокращенно изслѣдованіе Суровецкаго (Sledzenie początków narodów słowiańskich), замѣчаетъ И. И. Срезневскій объ этомъ сочиненіи Ш—ка, онъ разбираетъ его выводы, иные подкрѣпляетъ новыми, сильнѣйшими доказательствами, другіе опровергаетъ, никогда не жалѣя доказательствъ. Опять увидѣли начитанность и ученость, опять знаніе дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ умъ изыскательскій,

оживленный самобытною взгляда. Слава Ш—ка упрочилась; имя его стали ставить на ряду съ именами другихъ первоклассныхъ западныхъ славистовъ; кто звалъ Добровскаго, Кошитаря, Линде, не могъ не знать и Ш—ка». Въ 1833 году онъ издалъ свое замѣчательное изслѣдованіе: «*Serbische Lesekbner oder histor.—kritische Beleuchtung der serbischen Mundart*» (въ Пештѣ, 135 стр. со снимкомъ). Этимъ изслѣдованіемъ Ш—къ занялъ самостоятельное положеніе между тогдашними Славянскими филологами. Въ немъ впервые со всею отчетливостію доказано было, что въ семьѣ Славянскихъ языковъ такъ называемое церковно-славянское нарѣчіе не можетъ быть считаемо источникомъ или матерью всѣхъ остальныхъ нарѣчій, а лишь старшею сестрою ихъ, что древне-сербскій языкъ, насколько извѣстны его самые первые памятники, отличается отъ церковно-славянскаго нарѣчія и имѣеть всѣ признаки нарѣчія отдѣльнаго. Ни Добровскій, ни Кошитарь, предшественники Ш—ка, не имѣли столь ясныхъ и твердыхъ убѣжденій по этому предмету. Среди своихъ ученыхъ занятій, Ш—къ не отказывался и отъ участія въ тогдашнихъ чешскихъ журналахъ, предлагая имъ литературные труды меньшаго объема. Сюда слѣдуетъ отнести: статью о русалкахъ (въ Часописѣ Чешскаго Музея за 1833 г., стр. 257—273); обзоръ новѣйшей литературы Иллирскихъ Славянъ (тамъ же, стр. 3—35 и 164 и 181); образцы метрическаго стихосложенія Иллирскихъ Славянъ (Krok, III, 21—43); нѣсколько мелкихъ рецензій и литературныхъ сообщеній, напечатанныхъ въ «Часописѣ» въ 1830—33 годахъ редакторомъ его Палацкимъ изъ писемъ Ш—ка къ нему; рецензію на книгу Добровскаго «*Ausberti expeditio*» (въ *Wiener Jahrbücher*, V. XLII за 1828) и на книгу Катанчича «*Orbis antiquus*» (*ibid*, V. XLVI, за 1829). Остается прибавить, что, во время своего пребыванія въ Новомъ Садѣ, Ш—къ составилъ карту на 9 листахъ, которая представляла собою историческую топографію Нижнедунайскихъ земель, и при ней словарь въ пяти рукописныхъ фолиантахъ, заключавшій въ себѣ выписки изъ всякаго рода источниковъ, начиная съ древнихъ византийскихъ писателей и оканчивая разсказами современныхъ Ш—ку болгарскихъ и сербскихъ купцовъ. Таковы были кабинетные труды Ш—ка во время его пребыванія въ Новомъ Садѣ. Руководящимъ началомъ всей этой дѣятельности была мысль, высказанная Ш—мъ еще въ 1821 году въ письмѣ къ Палацкому: «Мнѣ рѣшительно все равно быть исподнимъ или верхнимъ камнемъ въ томъ зданіи, которое народъ мой ставитъ на память о себѣ, лишь бы только оно строилось и было достроено».

Между тѣмъ и въ то время уже централизующая сила Вѣны и мадьяризирующія стремленія Пешта ставили не мало препятствій свободному развитію той гимназіи, гдѣ служилъ Ш—къ, и той начинавшейся у венгерскихъ Сербовъ литературѣ, въ которой онъ также принималъ участіе. Не менѣе чувствительна была для Ш—ка трудность и дороговизна литературныхъ и ученыхъ сношеній въ то время съ западною Европою, Россіей и остальными славянскими землями. Ученые и литературные замыслы Ш—ка уже давно превышали тѣ скудные матеріальныя средства, которыми онъ располагалъ тогда. Первая надежда на возможность вырваться изъ этой бѣдности подана была изъ Россіи. Еще въ 1822 году посѣтилъ Ш—ка въ Новомъ Садѣ П. Н. Кенпенъ и съ тѣхъ поръ до конца своей жизни не прекращалъ письменныхъ сношеній съ нимъ. Онъ первый высказалъ желаніе чтобы Петербургская Академія Наукъ вызвала въ Россію Челяковскаго, Ганку и Ш—ка для составленія полнаго крѣпяческаго всеславянскаго словаря и устройства славянской бібліотеки при Академіи. Ганку и Ш—ка предполагалось при-

гласить въ качествѣ дѣйствительныхъ академиковъ съ жалованьемъ по 4000 р. асс., Челяковскаго - адъюнктомъ съ жалованьемъ въ 3000 р. Оффиціальное приглашеніе съ изложеніемъ всѣхъ условій отправлено было изъ Петербурга 10 февраля 1830 года. Ш—къ тотчасъ же сталъ приготовляться къ отъѣзду, какъ это видно изъ его дружеской переписки съ Пражскими литераторами и изъ сношеній съ различными австрійскими вѣдомствами. Но когда окончился льготный срокъ, испрошенный Ш—мъ для приготовленій, другіе товарищи его стали затливать свой отъѣздъ и наконецъ на заявленіе Ш—ка, что онъ готовъ отъѣхать съ каждою минутою и ждетъ только послѣдняго извѣстія изъ Петербурга, Академія увѣдомила отъ 23 іюня 1832 года, что Челяковскій и г. Ганка очевидно отказались отъ своего намѣренія переѣхать въ Петербургъ, а потому она вынуждена уволить и Ш—ка отъ его обязательства. Почти одновременно Ш—ку предлагаемо было мѣсто профессора славянскихъ языковъ въ Бреславскомъ университетѣ, о чемъ при посредствѣ Шуркинъ особенно хлопоталъ юристъ профессоръ Гаушъ; но и эти переговоры, тянувшіеся также около двухъ лѣтъ, прекратились въ маѣ 1832 года. Тогда Ш—къ рѣшился, оставивъ всякія искательства какой бы то ни было оффиціальной службы, переселиться въ Прагу въ качествѣ частнаго литературнаго дѣятеля и послалъ въ октябрь 1832 года Палацкому и Юнгманну письма, просилъ ихъ помочь его намѣренію—посвятить все свое время разясненію древней исторіи Славянъ. Не далѣе какъ чрезъ мѣсяцъ Палацкій извѣстилъ его, что, благодаря подпискѣ нѣкоторыхъ лицъ, ему обезпеченъ ежегодный доходъ въ 350 гульденовъ въ теченіе пяти лѣтъ подъ единственнѣмъ условіемъ, чтобы онъ писалъ впредь только почешски. Ш—къ никогда не узналъ, что эти безымянные подписчики были ближайшіе его друзья: Палацкій, Юнгманъ, Пресль и др., рѣшившіеся отдѣлять ежемѣсячно необходимую на то часть изъ своихъ скромныхъ доходовъ, передавая ихъ Ш—ку чрезъ Палацкаго. А 16 января 1833 года Палацкій извѣстилъ своего пріятеля, что число участниковъ въ дотации достигло девяти, причѣмъ ежегодное обезпеченіе возвысилось до 480 гульденовъ. Въ припискѣ къ этому письму Юнгманъ такъ приглашалъ Ш—ка къ переѣзду въ Прагу: «Ужь теперь съ Богомъ пересадите корень свой благородной дѣятельности съ неблагодарной почвы въ нашъ не то чтобы рай, а все-таки добрый край, гдѣ—дастъ Богъ—она пуститъ сильнѣйшіе корни и вѣтви. Съ Вами, и надѣюсь, засвѣтитъ для нашей литературы новая звѣзда, утѣшительный блескъ которой дай мнѣ, Боже, узрѣть, когда я подобно Симеону буду доживать послѣдніе дни свои». Ш—къ пріѣхалъ въ Прагу 4 мая 1833 года. На пути онъ видѣлся въ Вѣнѣ съ Копитаромъ, который и прежде переписывался съ нимъ стараясь, по собственному выраженію Ш—ка (въ письмѣ къ Палацкому отъ 11 октября 1830 года), «обратить его въ свою единственно спасительную вѣру». Личное знакомство не только не сблизило Ш—ка съ «придворнымъ славистомъ и софистомъ» (слова Ш—ка), но еще болѣе отдалило ихъ. Съ тѣхъ поръ Копитаръ не щадилъ Ш—ка въ своихъ литературныхъ и пныхъ нападкахъ, на что тотъ никогда не отвѣчалъ. Кромѣ того пріѣздъ Ш—ка въ Прагу съ лишнимъ намѣреніемъ трудиться вмѣстѣ съ другими на пользу духовнаго возрожденія чешскаго народа вызвалъ наблюденіе за нимъ со стороны тамошнихъ полицейскихъ властей. Однимъ изъ первыхъ посѣтителей его былъ полицейскій чиновникъ, которому поручено было освѣдомиться о намѣреніяхъ Ш—ка: послѣдній самъ продиктовалъ ему отвѣты съ свойственною ему откровенностью. Подъ облыя же ему посѣщенія повторялись

въ 1838 году, когда въ Прагѣ впервые стали появляться молодые русскіе ученые съ цѣлю изучать Славянство, въ 1842 году, когда въ Прагу пріѣхалъ М. П. Погодинъ, затѣмъ въ 1848 и наконецъ въ послѣдніе годы жизни Ш—ка.

Первые два года по пріѣздѣ въ Прагу посвящены были обработкѣ громадныхъ матеріаловъ для «Славянскихъ Древностей». Въ эти годы въ «Часописѣ Чешскаго Музея» появлялись отдѣльныя главы изъ приготавлиаемаго сочиненія, а въ сентябрѣ 1836 года изданъ былъ первый выпускъ его. Русская Академія посылала прислать Ш—ку золотую медаль. 28 іюля 1837 года отпечатаная была вся книга (1014 стр. въ большую осьмушку). «Что это за книга, пойметъ всякій, кто съ нею познакомится хотя сколько нибудь—писалъ шесть лѣтъ спустя возвратившійся изъ своего путешествія по славянскимъ землямъ И. П. Срезневскій (см. вышеназванную статью въ Ж. М. Н. Ш., ч. XXXVIII за 1843 г., отд. VI, стр. 6—7). Ее можно сократить, перевести, передѣлать, но незамѣнить. Каждый фактъ повѣренъ въ ней по нѣскольку разъ, каждый выводъ требовалъ перебора в сравненія множества свидѣтельствъ. И всему этому множеству надобно было дать малый объемъ, все надобно было сжать, чтобы сколько можно болѣе облегчить средства печатанія. Но невольн книгу тяжело читать. За то какъ утѣшительно перечитывать, какъ легко трудиться, имѣя еяподъ руками. Кто скажетъ, что въ ней нѣтъ ошибокъ или кое-гдѣ пристрастія къ принятому мнѣнію? но что значагь все эти недостатки въ сравненіи съ ученостью, которая поражаетъ читателя на каждой страницѣ, — съ отчетливостью въ разборѣ даже мелочей, — съ богатствомъ новыхъ фактовъ, въ первый разъ употребляемыхъ тутъ въ дѣло, — со всеобъемлемостію взгляда, — съ умѣньемъ пользоваться всѣмъ, чѣмъ могла сочинителю помочь современная наука, — съ умѣньемъ побѣдить тысячу трудностей, сообразить несчетное множество извѣстій и распорядиться имъ. Поправляй, ученый, ту или эту страницу въ сей книгѣ, но ее не отложишь въ сторону, всегда будешь въ ней нуждаться. Это не созданіе гевіа, но за то и плодъ дивнаго терпѣнія, къ которому способны десятки изъ десятковъ милліоновъ».

Время приготовленія къ печати «Славянскихъ Древностей» было временемъ перваго знакомства Ш—ка съ М. П. Погодинымъ, и дальнѣйшія событія изъ его жизни, а въ особенности изъ ученой дѣятельности, подробно разсказаны имъ самимъ въ печатаемыхъ за симъ письмахъ. Необходимыя поясненія къ нимъ читатели найдутъ въ примѣчаніяхъ. Не лишне будетъ замѣтить здѣсь, что въ изданіяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ были напечатаны въ переводѣ слѣдующія изъ сочиненій Ш—ка: а) О статуѣ Чернобога въ Бамбергѣ («Русскій Историческій Сборникъ», т. I, кн. 1, стр. 51—81); б) Славянскія племена нынѣшней Россіи (тамъ же, кн. 4, стр. 39—97); в) О Сварогѣ, богѣ языческихъ Славянъ («Чтенія», 1846 г., кн. I, Смѣсь, стр. 30—34); г) О древне-славянскихъ, именно Курлявскихъ типографіяхъ въ южно-славянскихъ земляхъ и прилежащихъ имъ краяхъ, т.-е. въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ, Черной Горѣ, Венеціи, Валахіи и Седмиградіи, въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ (тамъ же, кн. III, Мат. иностр., стр. 17—27); д) Объ имени и положеніи города Венецы, иначе Юмпа, Юлина, Юмсбурга (тамъ же, за 1846—47, кн. VII, Мат. иностр., стр. 1—20); е) Разцвѣтъ Славянской письменности въ Булгаріи (тамъ же, за 1847—48, кн. VII, Мат. иностр., стр. 37—59); ж) О происхожденіи и роднѣ глаголитизма (тамъ же, за 1860, кн. IV, Мат. славян., стр. I—VI и 1—66); з) Образованіе словъ удвоеніемъ корня (тамъ же, за 1863, кн. I, Мат. слав., стр. 1—13).

1.

Prag, den 26 Septemb. 1835 n. S.

Theuerster Freund!

Unvergesslich werden mir die Tage bleiben, wo ich das Glück hatte, Sie kennen, schätzen und lieben zu lernen. Zwar sind sie rasch dahingeschwunden, diese schönen Tage, und grosse Räume trennen uns bereits und werden uns noch lange trennen: aber der Weg zum Austausch unserer Gedanken steht uns ja offen, und diesen wollen wir fleissig benutzen*. Sie werden in mir stets den bereitwilligsten literarischen Correspondenten finden, und ich zweifle nicht im Mindesten, dass auch Sie fortan nicht unterlassen werden, mich bei meinen Studien mit Rath und That zu unterstützen.

Heute muss ich, gedrängt durch Umstände, und um Ihre Reisezeit mit langen Briefen nicht zu sehr in Anspruch zu nehmen, meine Gedanken kurz fassen. Ich übergehe alles das mit Stillschweigen, was Ihre liebenswürdige Gemahlin Ihnen mündlich wird berichten können, und komme gleich auf unser Hauptthema. Ich meine den Plan meiner Übersiedlung nach Moskau. Ich bitte Sie einstweilen die Sache nicht allzusehr zu urgieren. Sie sehen selbst ein, dass es für meine gegenwärtigen Studien und Arbeiten sehr nothwendig, und für die gemeine Sache, die slawische Literatur, erspriesslich ist, dass ich noch ein oder auch zwei Jahre hier bleibe, um die occidentalischen Quellen für meine Sammlung so auszubeuten, wie ich es mit den südslawischen bereits früher gethan habe. Dann bin ich nicht abgeneigt, nach Russland zu kommen. Doch darüber wollen wir das Nähere ein andermal besprechen. Da Ihr Wohlwollen gegen mich indessen keine Gränzen kennt, so will ich Ihnen auch meinerseits mit der grössten Offenheit und Aufrichtigkeit entgegen kommen. Ich sage Ihnen desshalb und bitte Sie darum, dass alle Ihre Bemühungen zu meinen Gunsten vorläufig dahin gerichtet

* О пребываніи М. П. Погодина въ 1835 году въ Прагѣ и первомъ знакомствѣ его съ чешскими учеными см. «Письмо орд. Пр. Моск. Ун. Погодина къ г. Министру Нар. Пр. изъ Германіи отъ 1/10 сентября 1835 года», напечатанное въ Ж. М. Н. Пр. за тотъ же годъ, ч. VII, стр. 544—552, и въ извлеченіи повторенное въ его книгѣ: «Годъ въ чужихъ краяхъ (1839). Дорожный дневникъ», ч. I (Москва, 1844), стр. 116—122.

seyn mögen, um mir von Russland auch diejenige Unterstützung zu vermitteln, welcher ich in meiner jetzigen Lage zur Vollendung meiner angefangenen Werke bedarf. Denn Sie wissen, dass ich bei meinem übergrossen Eifer für intellectuelle Zwecke die materiellen Interessen fast vergessen und gänzlich vernachlässigt habe, so dass ich mit meiner ganzen Familie in der Luft schwebe. Mit Ehren und Titeln, Orden und Diplomen möge man mich ja stets verschonen: diese kindischen Possen überlasse ich gern meinem Freunde Hanka, dessen Herz mit lächerlicher Freude daran hängt und darnach lechzt. Sendungen von russischen Büchern, Behufs meiner Studien und Arbeiten, die ich mir hier zu kaufen nicht im Stande bin, werden mir stets sehr willkommen seyn. Da man mich in Russland zu wenig oder fast gar nicht kennt, so schliesse ich hier für Sie die Abschrift meiner Biographie bei, welche auf Verlangen des Verlegers meine Freunde drucken liessen. Sie können dieselbe übersetzen und benutzen, wie Sie es für zweckdienlich erachten werden. Ich hoffe, Sie werden mich desshalb nicht der Ehr- und Ruhmsucht anklagen: nicht darum handelt es sich hier, sondern um etwas ganz Anderes — um Förderung meiner literarischen Arbeiten, um Erreichung grosser Zwecke, an denen uns allen sehr viel liegen muss. Von persönlicher Ehr- und Ruhmsucht bin ich Gottlob so ziemlich frei: sonst hätte ich gleich von vorn herein meine Pläne anders angelegt — der Weg dazu stand mir schon mehrmal offen. Zu gleichem Zwecke sende ich Ihnen eine Auswahl meiner Abhandlungen aus der Museums-Zeitschrift. Vielleicht könnten Sie einige derselben ins Russische übersetzen und drucken lassen? Das Excerpt aus Georgius Monachus Hamartolus folgt hier ebenfalls. Die ethnographische Karte von Böhmen, welche ich Ihnen schicke, soll Ihnen als Musterkarte bei der Verfertigung einer ähnlichen Karte über die Slaven in Russland dienen. Über die russischen Dialekte schreibe ich Ihnen meine Anfragen diesmal nicht: theils weil die Zeit zu kurz ist, theils aber auch, weil die Sache ziemlich klar ist nach dem, was ich Ihnen mündlich darüber mitgetheilt *. Auch mit Herrn von Kirjewski habe ich viel darüber gesprochen, und ich zweifle nicht, dass er selbst den fraglichen Gegenstand am besten erledigen und meine Wissbegierde befriedigen könnte. In Bezug auf meine Ihnen während Ihres Hierseyns schriftlich übergebenen Desiderata will ich hier nur die Bitte wiederholen,

* «Später schrieb ich dennoch etwas, und legte es hier bei.» S c h.

dass Sie nicht unterlassen mögen mir gleich nach Ihrer Ankunft in Moskau eine Abschrift der alten bulgarischen, von Herrn Wenelin mitgebrachten Diplome mittelst der Briefpost zuzusenden. Ich möchte den Druck meiner Abhandlung über das Altbulgarische gern beschleunigen *.

Nun wünsche ich herzlich, dass Sie Gott auf Ihrer langen Reise in seinem Schutz nehmen und glücklich nach Hause geleiten

* Съ подобною просьбою еще ранѣе дважды обращался Шафарикъ къ А. Х. Востокову: въ письмѣ отъ 4 сентября 1833 года, посланномъ съ Балугянскимъ, коему передана была имъ для Востокова книга: «Serbische Lesekörner (Ofen, 1833 in 8), и въ письмѣ отъ 1 сент. 1834 г., отправленномъ чрезъ лейпцигскаго книгопродавца Фосса; оба раза Шафарикъ просилъ доставить ему копія съ нѣкоторыхъ староболгарскихъ рукописей, имѣющихся въ Петербургѣ, а также списокъ Дометіанова житія св. Симеона и Савы. Но за другими дѣлами А. Х. Востоковъ не исполнилъ его просьбы; равнымъ образомъ не исполнилъ своего обѣщанія и Балугянской, хотѣвшій выслать Шафарикъ нѣкоторыя книги. Познакомившись съ М. П. Погодинымъ, Шафарикъ снова писалъ Востокову отъ 8 сент. 1835 г., и напоминая о прежней просьбѣ своей, «dass Sie mir durch Zumittelung kurzer Sprachproben aus einem oder ein Paar der ältesten Ihnen bekannten in Bulgarien geschriebenen slawischen Hauptschriften eine wichtige Hilfe leisten würden, die ich abwarten und dankbar benutzen wollte», прибавлялъ: «Ich habe seitdem aus Hrn. Pogodins mündlicher Mittheilung erfahren, dass Wenelin Abschriften mehrerer Bulgarischer Diplome bei der russisch. Akademie deponirt hat. Indem ich nun meine obige Bitte wegen der Abschriften oder lieber Sprachproben aus Handschriften wiederhole, füge ich noch diese neue hinzu, Sie möchten die Güte haben, sich bei Hrn. Secretär von Jazykow für mich zu verwenden, damit ich genaue Abschriften von zwei oder drei jener ältesten bulgarischen Diplome erhalte. Ich hoffe die Akademie wird mir die Gewährung dieser Bitte nicht versagen, da es sich hier bloss um Förderung wichtiger wissenschaftlicher Zwecke handelt.» Въ письмѣ отъ 13 дек. того же года, посланномъ чрезъ М. П. Погодина, знакомство съ которымъ Шафарикъ причислялъ «zu den glücklichsten und theuersten meines Lebens», онъ снова повторилъ свою просьбу. Посылая это письмо Востокову М. П. Погодинъ писалъ съ своей стороны 13 дек. 1835 года: «Посылаю къ Вамъ письмо отъ Шафарика, которое вчера получилъ я, въ дополненіе къ поклону присланному лично со мною. Нужно ли повторять его просьбу? Въ глаза и за глаза я говорю объ Васъ, что въ ученой сообщительности и готовности къ одолженіямъ я незнаю челоѣка Вамъ подобнаго. Исполненіе Шаф-ой просьбы можете присылать на мое имя, а я перешлю. Шафарикъ—челоѣкъ превосходный, кромѣ его первокласной учености. Васъ онъ чтитъ, какъ законодателя». Востоковъ послалъ Шафарикъ при письмѣ отъ 12 января 1836 года копія двухъ грамотъ и житія св. Савы, а также свою русскую граматку во второмъ изданіи. Эту переписку см. въ «Сборникѣ статей» II отд. Имп. Акад. Наукъ, т. V, вып. 2, стр. 307—310, 314—317, 319—321.

wolle, damit Sie dort mit frischer Kraft Ihre rastlose Thätigkeit der Beförderung jener Studien widmen können, an denen uns allen so viel liegt. Fahren Sie fort muthig und entschlossen gegen die verderblichen und grundfalschen Ansichten der Halbwisser und Schwindler Kačenowskij, Polewoj, Senkowskij, Strojew und ihrer würdigen Helfershelfer * anzukämpfen, überzeugt, dass die Wahrheit in Kurzem obsiegen muss. Sie sind der Mann, auf den wir alle unsere Hoffnung in diesem Punkte bauen: Sie werden, des sind wir gewiss, Ihre Bestimmung erfüllen.

Ich erwarte und bitte Sie darum, dass Sie mir von Wien und Lemberg aus über den Fortgang Ihrer Reise schreiben. Leben Sie wohl und glücklich!

Ihr

aufrichtiger Freund

Paul Joseph Schaffarik **.

2.

Prag, den 2-ten Oct. 1835 n. St.

Theurester Freund!

In der zuversichtlichen Hoffnung und Voraussetzung, dass Sie bereits längst Ihre Heimath glücklich erreicht haben, setze ich mich zum Schreiben nieder und sende diese wenigen Zeilen an Sie ab.

Drei Ihrer lieben Briefe sind mir richtig zugekommen: der eine von Wien, zweie von Brody. Die Nachricht von Ihrer und Ihrer lebenswürdigen Gemahlin Gesundheit freuete uns alle sehr: doch ungerne vernahmen wir, dass Sie in Brody einen so empfindlichen Verlust erlitten; also keine Freuden ohne Leiden!

* Этот отзывъ Шафарика о писателяхъ столь разныхъ направленій и достоинствъ очевидно составилъ подъ влияніемъ чужихъ внушеній и грѣшилъ особенно противъ Каченовскаго и Стрсева.

** Въ письмо вложена особая записочка такого содержания:

«Нижеподписавшійся далъ сію росписку Профессору Погодину въ томъ, что получилъ отъ него пятьсотъ гульденовъ W. W., за которые обязуюсь прислать ему въ Москву слѣдующее количество экземпляровъ моей исторіи Славянъ на Чешскомъ и Нѣмецк. языкѣ. Прага, 14 сентября. 1835. Павелъ Юсифъ Шафарикъ». Текстъ этой записки писанъ рукой М. П. Погодина, а подпись рукою Шафарика.

Ihrer Instruction gemäss werde ich alle für Sie bestimmten Bücher und sonstigen literarischen Artikel an Herrn Gartenstein nach Brody einsenden. Einiges habe ich schon für Sie in Bereitschaft, anderes will ich fortwährend für Sie hinterlegen, was Ihnen irgend brauchbar seyn könnte.

Den schönen Codex werden Sie zu Haus mit mehr Musse haben durchlesen und prüfen können. Sehen Sie doch zu, ob zwischen **семюе тысящѣ** nicht ein **ѣ** ausgekratzt worden ist: wornach die Jahrzahl wäre 7, 300 und 1000, d. 1307 nach Christo. Interessant sind in dem Epilogus die kleinrussischen Wort- und Schreibformen, deren mehrere gewiss auch im Buche selbst vorkommen werden. Solche dialektische Eigenheiten schätze ich sehr.

Wegen Kopitars Buch müssen Sie Herrn Wostokow ersuchen, dass er es recensire. Er ist der competenteste Richter. Ich kann und mag mich jetzt damit nicht befassen. In meiner Abhandlung über den albulgarischen d. i. cyrillischen Dialekt will ich aber darauf Rücksicht nehmen. Wenn Sie also wollen, dass meine *Bulgarica* bald erscheinen, so schicken Sie mir ehestens die versprochenen genauen Abschriften der ältesten der von Herrn Wenelin mitgebrachten bulgarischen Diplome. Ich möchte gern, bevor ich meine Abhandlung drucken lasse, noch meinen Quellenvorrath vermehren.—Eins jedoch muss ich schon hier bezüglich auf Herrn Kopitars Buch bemerken. Wenn derselbe nämlich sagt, dass ich die jetzige bulgarische Mundart für älter halte als das Zeitalter Cyrils und Methods, so beruht diess auf einem mir unbegreiflichen Missverständnisse: denn meine Ueberzeugung ist gerade das Gegentheil davon. Kopitar sagt nämlich: pag. XXXIII «Nec male quis dicat cum Schaffarikio, hunc linguae bulgaricae statum vix non ipso Cyrillo antiquiorem videri»; und pag. XLVIII «Lingua Bulgarica hodierna, Schaffarikio iudice antiquior S. Methodio». Nie habe ich so etwas weder schriftlich noch mündlich geäußert. Ich kann Ihnen nicht genug sagen, welchen Verdruss mir dieser Umstand macht!

Ich bitte Sie, beiliegende paar Zeilen also gleich nach dem Empfange meines Briefes an Herrn v. Wostokow zu senden. Schreiben Sie ihm doch auch, er möchte meine Bitte erhören und erfüllen. Er kennt mich nicht. Schreiben Sie ihm, dass er keinen Unwürdigen unterstützen wird. Ich lege Ihnen diese Sache dringend ans Herz. Wenn Sie sich ihrer nicht annehmen, so werde ich nie von

Herrn v. Wostokow etwas erhalten. Seyen Sie Bürge und Fürsprecher für mich bei ihm. Er scheint mich zu verkennen.

Meine Geschichte der alten Slaven wird zwar erst mit Anfang Mai 1836 in die Druckerei wandern: die Ankündigung jedoch erscheint schon mit Anfang Februar n. J. Bis dahin habe ich noch herkulische Arbeiten zu überwinden. Mehrere Abschnitte sind mir noch rückständig. Ich geize jetzt mit jeder Stunde. Desswegen erwarten Sie diesen Winter auch keine zahlreichen und langen Briefe von mir. Wenn ich nur diese grosse Sorge vom Halse habe, dann werde ich fleissiger und ordentlicher im Correspondiren seyn.

Und nun zu Bitten und abermals Bitten! Doch es sind ja nur Wünsche, die nur dann erhört und erfüllt werden sollen, wenn es möglich ist. Auf dem beiliegenden Blatt ist das Verzeichniss einiger mir nothwendiger Bücher: andere werden Sie hinzufügen. Fragen Sie doch um Gotteswillen nicht, wozu ich alle diese Bücher brauche! Wenn Sie dereinst meine Geschichte der alten Slawen lesen werden, so werden Sie gewiss nicht mehr fragen, wozu ich alle die Bücher gebraucht habe. Meine Meinung ist nicht, dass Sie alle die Bücher für mich kaufen. Ich weiss, dass dazu ein kleines Capital gehört. Ich weiss, dass Ihre Finanzen nach so einer Reise einer Erholung bedürfen. Aber ich hoffe, Sie werden Mittel finden und treffen um zu thun was möglich ist. Die Mäcene Russlands sind doch nicht alle mit Rumjanzow ausgestorben! Erlassen Sie ein Circular an Ihre zahlreichen Freunde für mich und zu meinen Gunsten, veranstalten Sie eine Collecte von Büchern für mich bei den russischen Schriftstellern in Moskau etc. Mancher wird einstweilen sein Buch entbehren können, und sich es später ersetzen können. Mir aber wird dadurch grosser Vorschub geleistet und die Wissenschaft wird gefördert. Nicht für mich, für die Wissenschaft bettele ich *. Der Nut-

* Въ Ж. М. Н. Пр. за 1836 г., ч. IX, стр. 213—216 помѣщена была выдержка изъ письма къ редактору отъ В. Т. изъ Вѣны отъ 28 окт. н. ст. 1835 г., авторъ коего, упомянувъ о своемъ пребываніи въ Прагѣ, о знакомствѣ съ Шафарикомъ, Юнгманомъ, Палацкимъ, Челяковскимъ, Ганкою, Колларомъ, между прочимъ говорятъ: «общая жалоба всѣхъ этихъ господъ на затруднительность и почти, можно сказать, невозможность порядочныхъ сношеній съ Россією, которою литература ихъ крайне интересуется. Вы едва повѣрите, что Юнгманъ нѣсколько лѣтъ не могъ добиться 12-го тома Исторіи Карамзина и наконецъ пріобрѣлъ его за 70 рублей слишкомъ на наши деньги. Челяковский что-то похожее заплатилъ за мелкія стихотворенія Пушкина».